

Глава 14. Сяо Юньлоу. Одна против двоих

— Ищете учителя Цао? — Сторож у ворот с недоверием посмотрел на двоих. — Вы кто такие?

— Мы друзья учителя Цао. — ответил Синь Синь.

— Так позвоните ей.

Синь Синь повернулся к Хэ Синьчуаню.

Цао Чжэнь, ответив на звонок, слегка удивилась, но тут же охотно сказала, что сейчас выйдет.

Хэ Синьчуань положил трубку. Синь Синь сжал кулак в его сторону:

— Вперёд!

Ещё до прихода сюда они чётко распределили роли: Хэ Синьчуань знаком с Цао Чжэнь, поэтому он пойдёт первым, а Синь Синь будет стоять рядом, наблюдать и подыгрывать.

Хэ Синьчуань стоял у ворот с холодным, совершенно невозмутимым лицом.

Синь Синь уселся на маленький электроскутер и сосал конфету, боковым зрением следя за дверью и дожидаясь появления Цао Чжэнь.

Примерно через три минуты она вышла.

Сегодня на ней снова было длинное платье, на этот раз бежевое, и белые кроссовки. Чёрные волосы развевались по плечам, а на пальцах ещё оставались следы не до конца смытой краски. Электрические ворота открылись, и Цао Чжэнь вышла наружу. Сначала она взглянула на Синь Синя, стоявшего в стороне, явно узнав его. Синь Синь улыбнулся и кивнул, Цао Чжэнь с лёгкой улыбкой тоже кивнула в ответ, и лишь потом перевела взгляд на Хэ Синьчуаня:

— Что вам нужно?

— Хочу поговорить с тобой о той аварии. — сказал Хэ Синьчуань.

— Об аварии? — Цао Чжэнь растерянно нахмурилась. — Разве это дело не закрыто?

Хэ Синьчуань не стал ходить вокруг да около:

— Перед смертью в больнице Хэ Сяохуэй сказал, что намеренно сбил Цао Яньань.

Синь Синь, не переставая сосать конфету, пристально следил за выражением её лица.

В тот самый миг зрачки Цао Чжэнь сузились, губы задрожали, а ноздри чуть надулись.

Это была типичная реакция человека, застигнутого врасплох.

— Что ты имеешь в виду? — Она прикрыла рот рукой, нахмутив изящные брови. — Что ты этим хочешь сказать?

— Кто-то его подослал. — ответил Хэ Синьчуань.

Зрачки Цао Чжэнь дрогнули:

— Что?!

— У твоей сестры не было врагов?

Одна взрывная фраза за другой обрушились на неё. Взгляд Цао Чжэнь стал стеклянным, будто она не могла уловить смысла слов Хэ Синьчуаня. Ресницы опустились, лицо побледнело, и Синь Синь даже заметил мурашки на её руках.

Она выглядела растерянной, будто потеряла всякий ориентир. Когда она снова подняла глаза, в них уже стояли слёзы:

— Ты хочешь сказать, что твой брат умышленно убил мою сестру?

— Да.

Цао Чжэнь прикрыла рот ладонью и отвернулась.

Она дрожала, но вот от горя, гнева или паники?

Синь Синь не мог понять.

Опущенные чёрные пряди скрывали её лицо.

Ему стало невыносимо жаль её. Одни только подозрения заставили Хэ Синьчуаня так жёстко допрашивать Цао Чжэнь. А вдруг она не убийца...

Синь Синь перевёл взгляд на Хэ Синьчуаня. Тот смотрел на Цао Чжэнь с ледяным спокойствием, не выдавая ни капли сочувствия, сомнения или даже интереса. Просто холодно и бесстрастно наблюдал, ожидая её следующей реакции.

Цао Чжэнь долго стояла спиной к ним, потом наконец повернулась, убрала волосы с лица и вытерла щёки, мокрые от слёз:

— Значит, Хэ Сяохуэй — убийца?

— Да. — ответил Хэ Синьчуань. — Но он не единственный. Его смерть не означает, что дело закрыто. Я не позволю настоящему виновнику уйти от ответственности.

Цао Чжэнь отвела лицо в сторону, словно пытаясь взять себя в руки. Когда она снова повернулась к ним, выражение её лица уже стало гораздо спокойнее:

— Спасибо, что рассказал мне об этом.

— Подождите немного, я возьму отгул.

Цао Чжэнь развернулась и зашла обратно в здание детского сада.

Синь Синь помахал Хэ Синьчуаню рукой.

Тот подошёл. Синь Синь понизил голос:

— Ну что?

— Почти так же, как на похоронах. — ответил Хэ Синьчуань.

Странно, но без конкретного смысла.

Сомнения — и только сомнения.

В этом месте, где не работает закон, чтобы докопаться до истины, нужно либо найти улики, либо свидетелей, либо получить признание.

Хэ Синьчуань уже видел на похоронах, насколько крепка психика Цао Чжэнь — не каждому такая выдержка под силу. Её реакция сейчас была вполне естественной. А иногда чрезмерная естественность — уже признак ненормальности.

Примерно через десять минут Цао Чжэнь вышла с сумкой.

— Пойдёмте ко мне, поговорим там. — сказала она.

Детский сад «Айсинь» и жилой комплекс «Юньфу» находились по разные стороны одной улицы, поэтому они пошли пешком.

Тротуар был узким, поэтому Цао Чжэнь шла впереди, а Хэ Синьчуань с Синь Синем — позади, катя электроскутер.

По походке было ясно, что с левой ногой у неё явно были проблемы.

Сёстры, мол, не ладили друг с другом... но слёзы Цао Чжэнь выглядели искренними.

Наверное, как и с Хэ Синьчуанем и его братом. — подумал Синь Синь. — Говорил, что без разницы, а сам всё равно рисковал жизнью, лишь бы узнать правду о смерти брата.

Цао Чжэнь жила в доме №136 — сразу за домом №127, где снимал квартиру Сян Чэнь.

Синь Синю стало не по себе.

Если всё это правда — если Цао Чжэнь действительно убийца, — то у неё железные нервы. Не боится, что Сян Чэнь ночью заявится за ней?

А следом мелькнула другая мысль:

Раз уж решилась на убийство, чего бояться привидений?

Видимо, из-за проблем с ногами Цао Чжэнь сняла квартиру на первом этаже. Хотя здесь, как и бывает обычно в таких домах, первый этаж был поднят над землёй, и ко входу всё равно вели ступени. Поднимаясь по ним, Цао Чжэнь хромала ещё заметнее, чем при ходьбе. Синь Синя даже совесть заела:

Неужели я зря заподозрил её только из-за того, что она была выгодоприобретателем по страховке?

Согласно информации от сотрудников «Сяо Юньлоу», Цао Яньань и Цао Чжэнь, как и

большинство жителей городка, приехали сюда издалека, чтобы зарабатывать на жизнь. Никто из работников ничего не знал ни о родителях, ни о том, остались ли дома ещё родственники. Получалось, что сёстры в этом городке были друг у друга единственной опорой.

Назначить единственного близкого человека выгодоприобретателем по страховке — в такой ситуации вполне логично.

Квартира Цао Чжэнь по планировке была точной копией квартиры Сян Чэня, но по чистоте и ухоженности — в разы лучше.

Едва войдя в дом, Синь Синь почувствовал лёгкий, едва уловимый аромат.

Аромат исходил не от какого-нибудь растения или духов, а от самой квартиры — от чистоты и ухоженности, до предела доведённых до совершенства.

— Учитель Цао, у вас тут так чисто! — Синь Синь стоял в дверях, заглядывая внутрь. — Вы её снимаете или купили?

— Снимаю.

Цао Чжэнь:

— Извините, запасных тапочек нет. Пол чистый, я только утром его вымыла. Если не возражаете, зайдите, пожалуйста, босиком.

— Конечно, без проблем. — быстро ответил Синь Синь.

Они с Хэ Синьчуанем сняли обувь прямо у порога. Всё-таки было лето и даже без носков по прохладному полу ходить не холодно.

Цао Чжэнь провела их к дивану:

— Присаживайтесь, пожалуйста. Сейчас налью вам воды.

— Не стоит беспокоиться.

Синь Синь:

— Я сам налью.

Цао Чжэнь лишь улыбнулась и ничего не сказав, повернулась и пошла на кухню. Синь Синь последовал за ней, незаметно осматривая кухню. Цао Чжэнь налила воду из чайника, а Синь Синь взял два стакана и пошёл с ней обратно в гостиную.

Хоть в душе его и мучили сомнения, — а не слишком ли подозревать человека с врождённой инвалидностью? — тело, как всегда, оказалось честнее. Он не отрывал взгляда от Цао Чжэнь всё время пока она наливала воду. И только когда она первой сделала глоток, Синь Синь наконец незаметно выдохнул и бросил Хэ Синьчуаню взгляд: «Всё в порядке».

В этом «инстансе» вне закона нужно опасаться не только призраков — людей опасаться надо ещё больше.

Цао Чжэнь сидела сбоку на Г-образном диване, и молча пила воду, глоток за глотком, будто погрузившись в размышления.

Синь Синь и Хэ Синьчуань тоже молчали, держа в руках стаканы и переглядываясь.

Пока Синь Синь ходил на кухню, Хэ Синьчуань успел бегло осмотреть гостиную и теперь знаками показывал ему на рисунки на стене справа.

Это явно были детские рисунки — грубые, простые, и яркие.

Ничего особенного.

Вот только расположены они были с поразительной аккуратностью. При ближайшем рассмотрении становилось ясно, что рисунки были выровнены не только по горизонтали и вертикали, но и расстояния между ними были абсолютно одинаковые. На глаз не определить, но Синь Синь был уверен, что измерь он их линейкой и окажется ровно так, как он и предполагал.

Та же самая педантичность прослеживалась и на кухне. Чисто, убрано, но посуда и предметы расставлены так же строго и систематично, как всё в гостиной, будто по заранее заданному эталону.

В комнате слышался лишь, как Цао Чжэнь пила воду.

Она неторопливо пригублила из стакана и даже не предлагала гостям выпить, просто сидела, источая тишину и одинокую прохладу.

Лишь когда в стакане осталась последняя капля, Цао Чжэнь наконец подняла глаза:

— Моя сестра ни с кем никогда не ссорилась. Если уж на то пошло, — она улыбнулась, —

единственным человеком, у кого с ней могла быть вражда, была я.

Синь Синь опешил.

Улыбка на её лице была едва заметной, и понять, что она за ней скрывает, было невозможно.

— Вы что, совсем не ладили? — не удержался Синь Синь.

Цао Чжэнь повернулась к Хэ Синьчуаню:

— У вас нет братьев или сестёр, верно? А вот господин Хэ, думаю, поймёт.

Синь Синь тоже посмотрел на Хэ Синьчуаня.

Тот не улыбался, но в его спокойном выражении лица было что-то созвучное с её собственным.

— Я верю, что в мире есть братья и сёстры, которые по-настоящему любят друг друга. Только мы — не из их числа. — Цао Чжэнь отвела прядь волос, упавшую на лицо, за ухо. — Цао Яньань меня ненавидела.

— Но она оформила на вас страховой полис.

Прямо заявил Синь Синь вслух.

Цао Чжэнь медленно ответила:

— Чем доставила мне кучу хлопот.

Синь Синь снова замер. Он вдруг понял, что женщина перед ним вовсе не такая беззащитная и тихая, какой кажется на первый взгляд.

Хотя ещё до визита он записал Цао Чжэнь в главные подозреваемые, в глубине души всё равно внутренний голос шептал: «Всё не может быть так просто. Самый очевидный подозреваемый часто оказывается невиновным, как обычно бывает в детективах. Подозреваемого, который всё время торчит на виду, обычно можно сразу отбросить».

Он пришёл сюда сегодня именно для того, чтобы снять с Цао Чжэнь подозрения. И даже не почувствовал в её присутствии ни капли страха — потому что искренне верил, что она не убийца.

Однако теперь, когда Цао Чжэнь сидела в диване, распустив длинные волосы, держа в руках почти пустой стакан, и говорила тихо, мягко и уверенно, — у Синь Синя по спине пробежал холодок.

— Два агента страховой компании сидели на тех же местах, где вы сейчас. — сказала Цао Чжэнь. — Они задавали мне массу вопросов...

Ее взгляд скользнул по ним обоим.

— Думаю, Хэ Сяохуэй такого точно не говорил. — Она усмехнулась, с горечью и усталостью. — Вы просто пытаетесь меня разыграть.

Синь Синь буквально остолбенел.

Даже Хэ Синьчуань на секунду замер.

Цао Чжэнь спокойно осматривала их обоих, без вызова и гнева, просто с холодной ясностью.

— Я понимаю. Всем кажется, раз я получила кучу денег, значит, за этим что-то скрывается. Так уж устроены деньги — из-за них люди начинают думать о других самое худшее.

Её слова, мягкие, но точные, их обоих словно хлыстом ударили.

Синь Синь и Хэ Синьчуань почти одновременно почувствовали, как на них наваливается тяжесть.

— У нас в деревне очень строго соблюдалась политика одного ребёнка. Кто осмеливался заводить второго, глава деревни сразу тащил женщину в больницу на аборт. — сказала Цао Чжэнь. — Чтобы я появилась на свет, Цао Яньань в восемь лет бросила школу и притворилась умственно отсталой.

Она подняла глаза:

— Она меня ненавидела. Ненавидела всей душой.

— Моё настоящее имя — Цао Хуаньди. — продолжала она. — А это имя я выбрала сама, когда стала взрослой. Но, честно говоря, я тоже ненавидела Цао Яньань. Если бы она не слушалась родителей и не пошла на такое, мне бы не пришлось всю жизнь мучиться.

— Когда она умерла, я не могу сказать, что сильно горевала. Скорее... почувствовала горечь. — Цао Чжэнь опустила взгляд на остатки воды в стакане. — Но всё же мы — родные сёстры.

Кровь не водица. Когда я увидела её тело после аварии, изуродованное до неузнаваемости... мне стало страшно. Это было словно увидеть самого себя. Думаю, это и есть «сожаление вида о своём собрате».

— Я и не знала, что она оформила страховку. И уж тем более не догадывалась, что выгодоприобретатель — я. Кто бы что ни думал, но мне и в голову не приходило, что мне нужны эти сто тысяч. Просто не жалею об этом. — Цао Чжэнь допила остатки воды. Она запрокинула голову, шея её напряглась, будто цветок, упрямо тянущийся к солнцу, а потом снова опустила. — Для меня это дело закрыто. Давайте остановимся на этом.

Цао Чжэнь вышла с ними за дверь, вежливо попрощалась и закрыла дверь.

Когда они вышли на улицу, солнце уже нещадно палило.

Синь Синь спросил Хэ Синьчуаня:

— Что думаешь?

— Она идеально подготовилась. — ответил Хэ Синьчуань.

Идеально? Да это был целый шквал.

Разговор начали они, но как только вошли в ритм — сразу же потеряли инициативу. Цао Чжэнь диктовала темп с самого начала, не давая ни вставить слово, ни задать вопрос.

Одна против двоих — и ни на йоту не уступила. В итоге просто вышвырнула их за дверь — чисто, аккуратно, и без лишних слов.

Синь Синь оглянулся на закрытую дверь, провёл ладонью по лбу и прошептал:

— Респект.

Хэ Синьчуань: «.....»

Ему показалось, что психологическая устойчивость этого парня, возможно, даже выше, чем у Цао Чжэнь.

— Она такая крутая. — сказал Синь Синь, — что я начал подозревать, а не она ли убийца?

Хэ Синьчуань поднял глаза. Дома стояли слишком близко друг к другу, и в узком проходе между ними лежала густая тень.

— Кто знает. — сказал он.

<http://bllate.org/book/12899/1133654>